

ЛУННАЯ ГАЛЬ

ЭПИДЕМИЯ ЗОМБИ.
ПУТЬ К ИСТОКУ

18+

Лунная Галь

Эпидемия зомби. Путь к Истоку

«Автор»

2026

Галь Л.

Эпидемия зомби. Путь к Истоку / Л. Галь — «Автор», 2026

Мир рухнул не от взрыва и не от войны, его уничтожила жажда бессмертия. Когда человечество попыталось победить смерть, оно породило вирус, питающийся памятью, чувствами и волей. Люди превратились в живые оболочки, движимые голодом. Глория, Винченцо и Томас - одни из немногих выживших, связанных болью, любовью и тайной, которой лучше бы не касаться. Они проходят сквозь слои мертвого мира, где каждый слой хранит фрагмент истины о происхождении заразы. Чем ближе они к Истоку, тем больше теряют: надежду, человечность, страх перед смертью. Но, чтобы остановить вирус, нужно понять его суть: это не просто болезнь, а отражение самих людей, их страх забыть, их одержимость вечной жизнью. И только тот, кто примет смерть как часть жизни, сможет вернуть свет в мир, где даже чувства стали оружием.

© Галь Л., 2026

© Автор, 2026

Лунная Галь

Эпидемия зомби. Путь к Истоку

Пять минут назад зазвонил будильник. Будильники Винченцо ненавидел, ровно, как и понедельники, а сегодня как раз был именно понедельник, чтоб его! Винченцо выругался и нехотя встал, натягивая на мышцы спины майку.

«Пора завязывать с пивом» - подумал он, поглаживая слегка округлый живот.

Выпив стакан крепкого кофе с сахаром, парень вышел из дома с неизменным рюкзаком, с которым он ходил на работу. Коллеги из-за этого даже прозвали его ласково Черепашкой. Винченцо злился, ибо он отождествлял себя не с какой-то там Тортилой, но, по крайней мере, одним из Ниндзя. В рюкзаке у Винченцо лежал ветхий зонтик, большой разводной ключ, тетрадка, упаковка чипсов и запасная футболка.

Удивительно, но старенькая японская машина завелась с первого раза, хотя обычно это случалось редко, чем выводило Винченцо из себя.

-Чертова старуха! – он пинал колесо, и на этом дело обычно заканчивалось, ведь денег на ремонт никогда не хватало. Старое ржавое железо неустанно требовало все больше и больше вложений в ремонт деталей, приходящих в негодность от старости.

Сегодня же был просто идеальный день и Винченцо включил радио.

-Доброе утро, дорогие радиослушатели! – жизнерадостный голос дикторши полился из старого динамика, - сегодня потрясающий понедельник и многие из вас, мои золотые, едут на работу!

На минуту радио ведущая запнулась, а затем продолжила:

-Вот сейчас мне передали, что готов блок срочных новостей, я переключу вас на своего коллегу.

-Внимание! – заорал из радиоприемника взволнованный мужской голос, - всем! Всем! Всем! Буквально пару минут назад наш Президент объявил о введении режима ЧП! Нам угрожает опасность! Весь мир поразил страшный вирус, количество жертв растет в геометрической прогрессии! Просьба сохранять спокойствие и не покидать ваши жилища!

Винченцо от неожиданности выкрутил руль не в ту сторону, и машина резко вильнула к обочине.

-Твою же мать! – выругался парень, изо всех сил надавливая на тормоза и выворачивая руль в противоположную сторону, - что там еще на этот раз?!

Но сколько бы он ни щелкал радиоприемником, со всех радиостанций звучало почти одно и то же: неизвестный науке и медицине вирус, со страшной скоростью растущее число зараженных, странные симптомы и рекомендации не выходить из домов.

Винченцо чуть не опоздал на работу. Он трудился на свечном заводе мастером по выплавке и заливке парафина.

На проходной никто не сидел.

Винченцо поудобнее перехватил рюкзак и зашел внутрь.

-Эге-гей! – заорал он, - все вымерли что ли?

Ответом была тишина на всем предприятии.

Винченцо зашел на завод и вдалеке возле одного из станков увидел своего шефа. Тот сидел на корточках спиной ко входу и что-то искал под станком.

- Базилио, доброе утро, - вежливо поздоровался Винченцо.

Шеф даже не повернул головы.

«Старый урод!» - зло сплюнул парень.

-Базилио! Доброе утро говорю! – Винченцо проорал еще раз и осекся.

На этот раз начальник повернул голову и уставился на парня. Винченцо попятился. У Базилио были совершенно сумасшедшие остекленевшие глаза, рот приоткрыт. Он поднялся с корточек и медленно направился навстречу парню. Чем ближе подходил начальник, тем сильнее у Винченцо поднимались коротко стриженные волосы на голове.

Наконец, когда расстояние между ними составило не более двух метров, шеф вытянул вперед свои руки со скрюченными пальцами и захрипел, надвигаясь на подчиненного.

Винченцо подался назад, затем судорожно пошарив в своем рюкзаке, выудил зонтик и, раскрыв его перед собой будто щит, попятился назад от странно ведущего себя шефа.

Базилио, закатив налитые кровью белки глаз вверх, хрипел и пускал густую кровавую слюну, а затем щелкнул зубами. Винченцо заорал и подпрыгнул, отбрасывая бесполезный зонтик и выуживая из своего рюкзака тяжелый разводной ключ.

Замахнувшись, он что есть силы, опустил железку на голову начальнику. Еще раз. И еще. Пока бывший босс, словно трухлявый мешок не осел на пол с разможенным черепом.

-Черт! Черт! Черт! – орал Винченцо, подбирая зонтик и убегая с завода, - что это еще за хрень?!

В машине ему удалось отдышаться и успокоиться.

Парень включил радио, но на этот раз не услышал ни голоса веселой дикторши, ни панического крика ведущего новостей, ни музыки. На всех радиостанциях звучал лишь белый шум.

Винченцо ехал по городу и приходил в ужас. По тротуарам шли люди, если их можно было так назвать. Издалека они напоминали бомжей, так как одежда многих была в грязи, а волосы свисали спутанной паклей. Они шли друг за другом с остекленевшими глазами, многие в крови, тянули руки вперед и хрипели, хрипели, хрипели.

Все утро парень катался по городу с выпученными глазами.

Возле мусорного бака на одной из улиц сидел один из таких же страшных чудовищ, бывший еще вчера человеком, он откусывал куски плоти от чьего-то трупа. Винченцо вырвало на соседнее сиденье.

Солнце уже высоко стояло над головой, когда Винченцо решил приехать к своему дому. На площадке перед подъездом никого не было, но, кто знает, вдруг на лестничной площадке притаился какой-нибудь ошалелый и голодный зомби. В том, что наступил зомби-апокалипсис, парень уже не сомневался.

Он припарковал машину неподалеку от подъезда и вытащил из рюкзака разводной ключ. Ухватил его поудобнее и осторожно шагнул в черное нутро подъезда.

Во всем доме было темно и тихо. Винченцо прислушался, не раздастся ли нигде хрип или чавканье пожираемой влажной плоти, но было тихо. Он осторожно поднялся к себе на этаж, открыл дверь, стремительно бросая свое тело внутрь, и тут же ее захлопнул, закрывая на все замки.

За выходные Винченцо поленился съездить в супермаркет за продуктами, поэтому ему пришлось обедать пачкой чипсов. Хрустя жирным картофельным ломтиком, он включил телевизор.

Кое-какие каналы прекратили вещание, но некоторые показывали новости с репортажами с места событий. Камера снимала зомби, перемещающихся по улицам. На одном из каналов промелькнуло перекошенное лицо Президента.

Доев чипсы и посмотрев безрадостные новости, Винченцо достал тетрадку и сделал записи. Он решил вкратце вести хронологию событий. Вдруг в дверь постучали. Винченцо замер и прислушался. Стук повторился. Негромкий, но настойчивый. Парень тихонько прокрался к двери и посмотрел в глазок. Перед его дверью стоял наркоман с последнего этажа и покачивался. Винченцо решил не открывать. Наркоман постоял еще какое-то время, пнул дверь, от чего Винченцо аж подпрыгнул, и поднялся к себе наверх, что-то бубня под нос.

Пару часов было тихо. Винченцо немного успокоился и устроил рейд по шкафам в надежде отыскать что-нибудь получше и потяжелее, чем разводной ключ и зонтик. Но ничего стоящего не находилось. Ношение оружия было запрещено еще много лет назад, так как считалось, что Винченцо живет в благополучной стране, где его всегда защитит доблестная полиция. А те, кто из под полы покупал что-то поострее, чем перочинный нож, попадали под статью и любовались голубым небом в клеточку.

В одном из шкафов Винченцо отыскал банку соленых огурцов, не раздумывая, открыл и тут же съел пару штук. Так прошел вечер.

Винченцо не зажигал свет ни в одной из комнат. Впрочем, в соседнем доме свет в квартирах тоже ни у кого не горел. Телевизор светил голубым экраном в углу комнаты. Шло прямое включение речи Президента. Винченцо жадно припал к экрану.

Президент с седовласой густой шевелюрой и в очках, на этот раз без эмоций вещал о том, что весь мир поразила пандемия доселе невиданного страшного вируса, который передается через укусы зараженных и проявляется тем, что человек начинает сходить с ума, закатывает глаза, ищет следующую жертву для укуса. Некоторые зомби просто пожирают плоть себе подобных.

Не раздеваясь, Винченцо лег спать, положив рядом с собой рюкзак на случай, если придется резко вскакивать и бежать. Минут тридцать он прислушивался к звукам во всем доме. Стояла мертвая тишина, только иногда скрипели рассыхающиеся полы, да гудела вода в трубах. Уставший парень не заметил, как погрузился в сон.

Его разбудили звуки. Винченцо сквозь сон явственно услышал чавканье под окном. Осторожно подкравшись, он слегка раздвинул шторы и обомлел. Один сосед-наркоман откусывал от второго большие куски плоти и жадно глотал, громко причмокивая. Винченцо зажал рот руками, чтобы не закричать от ужаса и отвращения и продолжал смотреть. Внезапно зомби оторвался от тела и поднял голову с выпученными белками, словно почувал, что за ним подглядывают. А затем молниеносно взобрался на окно первого этажа, цепляясь за решетки словно обезьяна.

Винченцо похолодел, а зомби-сосед подтянулся и, ухватившись за балкон второго этажа, взбирался все выше – он каким-то образом почувствовал, что на третьем этаже его ожидает жертва.

Винченцо сглотнул подступившую горькую слюну, накинул куртку, схватил рюкзак и, не дожидаясь визита зомби, ринулся к двери.

За дверью кто-то копошился.

-Какого черта! – выругался Винченцо и быстро посмотрел в глазок. Возле его двери толпились зомби штук десять, они хрипели, тянули руки к его двери, царапая обивку грязными ногтями. Со стороны балкона слышался шум. Винченцо просто загоняли зомби, как голодные волки загоняют овцу.

- Хрен вам, уроды! – заорал Винченцо и выхватил свой разводной ключ, - живым не дамся, твари!

И он понесся обратно в комнату, где уже с балкона вовсю лез зомби-наркоман.

-Ну, давай же, сволочь! – стиснув зубы, процедил Винченцо и замахнулся ключом. Удар пришелся аккуратно по голове зомби. В этот удар Винченцо вложил всю свою ненависть, отвращение и страх.

Зомби мешком осел на пол, из разбитого черепа вытекали мозги.

Винченцо поудобнее надел свой рюкзак, распахнул балконную дверь и перелез через перила, повиснув на руках. До земли оставалось какие-нибудь три-четыре метра, и они отделяли парня от толпы голодных чудовищ. А они, разодрав дерматин, наваливались толпой на дверь так, что она начинала сминаться под напором.

Когда дверь пала и в квартиру валилась толпа зомби, Винченцо собрался с духом и разжал руки.

Ему удалось довольно мягко приземлиться, заплатив за свободу только вывихом лодыжки. Прихрамывая, парень обогнул дом и сел в машину. Руки дрожали и пару секунд он не мог попасть в зажигание. Наконец ему это удалось, но машина не заводилась. Винченцо чуть не расплакался.

Зомби, словно почуяли, что добыча уходит, и теперь выходили на улицу, потягивая воздух носом.

Винченцо заблокировал двери и неустанно пытался повернуть ключ в зажигании.

Он резко вздрогнул, когда по стеклу ударили. В ужасе парень увидел перед собой зомби, что раньше была его пожилой соседкой, которая всегда здоровалась и заводила разговор о погоде. Теперь же эта мерзкая старая ведьма с седыми космами волос, измазанных кровью, стучала костлявой рукой по его машине.

Наконец, машина завелась, времени, прогреть двигатель не было, и парень, что есть силы, надавил на газ. Мотор жалобно заревел, стрелка тахометра подскочила аж до семи, а Винченцо направил автомобиль прямо на соседку, которая повисла на капоте и только царапала ногтями стекло, оставляя кровавые полосы.

Винченцо гнал машину, не останавливаясь ни на минуту, благо бак пока был еще полон. Он ехал за город в надежде вырваться из наступившего ада.

Прошло больше часа прежде, чем он проехал административную границу города. Теперь его путь лежал в ближайшую деревню. Винченцо надеялся, что в небольших населенных пунктах поспокойнее.

В первом поселке не слышно было ни души. Винченцо остановился возле местного магазина и вышел из машины. Дверцу он не закрывал и мотор не глушил на всякий случай. Крепко сжимая неизменный разводной ключ, Винченцо постучал в двери магазина. Сперва никто не ответил, затем женский голос осторожно спросил:

-Кто и чего надо?

-Доброе утро, - Винченцо поздоровался, - я человек и мне надо купить поесть.

-Да и я пока не зомби, - ответила пожилая полная женщина с пергидрольными короткими кудряшками, открывая двери магазина.

-А, что, у вас тоже зомби есть? – поинтересовался Винченцо.

-Да почитай со вчерашнего дня деревню колбасить начало, - охотно начала рассказывать женщина, - половина по домам попрятались, а половина ходят тут откусывают друг от друга.

Она невесело усмехнулась.

Винченцо купил воды, сока и пару бутербродов, больше в сельхозмаге ничего толком и не было. Попрощался с продавщицей и поехал дальше.

Время перевалило за полдень, когда у Винченцо затекло все тело от длительного сидения и свело судорогой руки и правую ногу. Он решил остановиться и немного отдохнуть. Половина бессонной ночи тоже сказывалась усталостью и немного рассеянным вниманием.

Сейчас парень как раз проезжал степь. На долгие километры ни души, кроме зайцев, да тушканчиков.

Была весна, когда природа вступала в свой расцвет. Еще не так жарко палило солнце, листва радовала своей сочной зеленью, а ветерок ласково касался прохладой разгоряченной кожи.

Винченцо припарковал машину у дороги на теневой стороне, проверил двери, поднял стекла, но приоткрыл лючок на потолке, чтобы не задохнуться, откинул свое кресло и прилег, закрыв глаза. Через пару минут его сморил крепкий сон.

Винченцо проснулся как от внезапного удара. Сердце колотилось как бешеное, выстукивая ритм: беги-беги-беги-беги! Винченцо сел и потянул затекшие от долгого нахождения в одной позе руки и ноги. Протер глаза. Впереди колыхалось какое-то марево.

Парень моргнул пару раз, всматриваясь вдаль. Он не мог сначала понять видит ли он степной мираж или что-то другое, как до него дошло.

Матерясь и чертыхаясь, он завел машину. К счастью она не стала капризничать и мотор деловито затарахтел.

Навстречу двигалась огромная толпа зомби.

Винченцо развернул машину и на полной скорости поехал в обратную сторону.

После пяти вечера он проехал деревню, в которой побывал утром. Двери магазина торчали нараспашку, одна створка висела на единственной петле. Возле магазина сиротливо валялись раздавленные продукты.

Неизвестно, что стало с продавщицей, да и Винченцо не хотел об этом думать.

Вечером он заехал в город, из которого выехал утром. Улицы кишели толпами зомби, их прибывало все больше и больше. Винченцо ехал медленно, стараясь не привлекать внимание этих тварей. Разводной ключ лежал рядом на облеванном сиденье. Парень чувствовал дикую усталость и безысходность, но сдаваться было еще рано.

В бардачке завалился коробок спичек.

Винченцо достал из рюкзака свежую футболку и переоделся, а старую намотал на свой выдавший виды зонтик. Этого ему показалось мало и, потянувшись изнутри салона к багажному отделению, парень вытащил канистру с бензином. Пара капель вонючей жидкости упали на пол, но Винченцо, не обращая внимания, щедро смочил бензином свой импровизированный факел.

Остановил машину у дороги и заглушил мотор.

На погибающий город опускались сумерки, догорал кроваво-красный закат, суливший на завтра ясный солнечный день.

Винченцо допил бутылку воды и смотрел как все новые и новые зомби тянутся по улице, заполняя тротуары и проезжую часть.

Прошло пару часов. Удивительно, но живые мертвецы, словно не чуяли, что в паре метров от них в куске железа сидит живой человек. Винченцо усмехнулся и вытянул поудобнее ноги. Вывихнутая лодыжка немного распухла и болела, хотя парень перетянул ее тряпкой, найденной в машине.

«Только бы не заснуть» - подумал он. Глаза слипались, будто в них налили сладкого молока.

«Как бы мне хотелось заснуть и проснуться завтра утром в своей постели, как ни в чем, ни бывало. Выпить кофе и поехать на работу» - думал парень. Он не заметил, как все-таки заснул.

На крыше машины кто-то был и пытался снять крышу. Сзади разбилось стекло. Винченцо проснулся, когда зомби почувствовали живую плоть и атаковали его автомобиль. Он лихорадочно начал жечь спички, чтобы подпалить свой импровизированный факел. К счастью, зонтик сразу же вспыхнул и Винченцо ткнул горячей тряпкой прямо в лицо одному из зомби. Тот захрипел и отпрянул – огонь не любит никто, даже живые мертвецы.

-Получите, суки! – орал Винченцо, выбираясь из машины и тыкая своим факелом во все стороны. Зомби тянули к нему свои скрюченные руки, разевали рты, но вынуждены были шархаться в стороны от огня.

Винченцо уже некуда было идти, он крутился на месте, размахивая факелом, пытаясь за дорого продать свою жизнь. Зомби окружили его кольцом, но подходить ближе боялись, лишь прикрывали свои закатившиеся глаза руками. Парень знал, что факел не будет гореть вечно, и

с каждой минутой его надежда на спасение таяла. Но, тем не менее, закусив губу, он крутился вокруг своей оси, тыкая огнем направо и налево, и кричал.

Когда футболка почти догорела, и Винченцо приготовился умереть, темноту улицы осветили фары несущегося большого грузовика.

-Эй, ты! Живой! – его окликнули из кузова, - ну-ка, быстро залезай!

Грузовик притормозил и Винченцо, примерившись, швырнул свое горящее оружие в толпу хрипящих монстров, бросился к грузовику, хватаясь за его борта. Подтянулся и тут ему помогли, просто за шиворот втащив внутрь. А затем водитель, что есть силы, дал по газам, раздавливая под колесами особо бесстрашных зомби, и умчался прочь.

Те, кто спасли Винченцо, оказались компанией друзей, выживших и сколотивших небольшой отряд. Винченцо насчитал человек двенадцать, парни и девушки, мужчины и женщины.

К нему подседа одна из девушек. Судя по ее манере держаться, он понял, что она главная.

-Я - Глория, - она протянула руку, - а тебя как зовут?

-Винченцо, - хрипло сказал он и пожал руку в ответ.

-Если хочешь, оставайся, в одиночку теперь не выжить, - она внимательно посмотрела ему в глаза, - завтра мы хотим запастись едой и необходимыми вещами.

Винченцо кивнул.

-Ты тоже можешь нам помочь, - она поправила ослабевший шнурок на кроссовке, - нам также необходимо оружие, хоть что-нибудь. Есть пара оружейных магазинов, наведаемся также и туда.

Винченцо опять кивнул.

-А здорово ты их факелом, - она засмеялась и похлопала парня по руке, - из чего сделал? Форма еще такая странная.

-Футболка. Я еще привязал зонтик, - у Винченцо пересохло во рту.

Глория протянула бутылку воды.

-Ладно, ты в безопасности, можешь пока поспать, - девушка поднялась.

Он благодарно кивнул, делая глоток. Горло саднило, скорее всего, он сорвал связки.

Привалившись к борту грузовика, Винченцо прикрыл глаза. Напротив него сидели и лежали остальные члены команды. С ними он познакомится завтра. Какое хорошее слово – завтра. Оно несет в себе свет жизни и надежды.

- Доброе утро, истребитель зомби, - Винченцо разбудил бодрый голос Глории, - наступил новый день и нам пора на охоту. Ты помнишь, что по плану?

Парень потер заспанные глаза и кивнул.

-Идем, - девушка протянула руку, за которую Винченцо ухватился, и помогла ему встать.

Яркое весеннее солнце золотило верхушки деревьев. Где-то заливался скворец.

Винченцо вступал в новую эру жизни, и пусть теперь эта жизнь была другой, но она все же продолжалась.

Утро пахло дымом и весной. Небо было светло-серым, как старая простыня, что повисла над землей. Глория шагала уверенно, коротко отдавая команды. Она уже была в бронежилете, каким-то чудом найденном на одном из прошлых вылазок. За ее спиной болталась монтировка, а руки девушки крепко сжимали двустолку.

Винченцо прихрамывал, но не отставал. За ночь нога почти перестала ныть и опухоль спала. Разводной ключ, аккуратно перемотанный тканью парень крепко сжимал в руке.

- Первой целью у нас будет супермаркет, - бросила Глория, не оборачиваясь, - второй станет аптечный склад. Нам нужны бинты, антибиотики, антисептики, все, что найдем. Потом оружейный магазин, если доберемся, конечно.

- Я с тобой, - отозвался Винченцо, стараясь говорить твердо. Он чувствовал, что должен доказать свою полезность. Сейчас было не то время для проявления слабости.

Группа двигалась быстрым шагом, слаженно и почти беззвучно. Шли парами, прикрывая друг друга, по заранее отработанному сигналу останавливались и внимательно осматривали пустынные улицы. В индустриальной части города было особенно тихо. Ржавые ворота логистических терминалов нависали над ними мертвыми исполинами, бетонные стены складывались в бесконечные коридоры, а окна производственных цехов зияли пустыми черными глазами.

Глория знала: зомби избегают подобных мест. Может быть, потому что тут давно не было запаха живых, может, потому что эти промзоны казались им чуждыми, холодными, лишенными того, что можно пожирать. В любом случае, именно этот маршрут она выбрала как более безопасный. План был простым и четким: пройти через логистический центр, выйти к развязке и оттуда уже добраться до аптечного склада. Там могли быть лекарства, бинты, антибиотики, то, чего остро не хватало в их группе.

Они миновали длинную улицу, заваленную проржавевшими контейнерами, и подошли к перекрестку. Глория подняла руку, давая сигнал остановиться. Все замерли, стараясь не шуметь. Ее сердце билось гулко и отчетливо, будто она могла услышать его не только в груди, но и в висках.

И в этот момент, словно из воздуха, из-за угла вышел один. Он шатался, тянул ноги, и его глаза были пустыми, стеклянными. На нем висели остатки серой униформы, на груди раскачивался перекошенный бейдж. Сквозь грязь и рванину на пластике все еще можно было разобрать надпись: «Пабло. Старший кассир».

За ним вышел второй. Потом третий. Потом целая вереница, словно рой высыпал из темного прохода. Десяток, может, чуть больше. Они двигались не спеша, но неуклонно. Шаркали ногами по асфальту, глухо хрипели, вытягивали руки, будто воздух сам манил их.

У каждого из группы внутри все сжалось.

- Они нас почуяли, - прошептал один из ребят, сжимая в руках ржавый лом.

- Нет, - едва слышно сказал Винченцо, не сводя взгляда с приближающихся фигур. - они реагируют не только на запах. На звук. Или... на сердцебиение.

Он сам ощущал, как его сердце стучит слишком громко. Каждый удар отдавался в теле, словно металлический молоток. Лежа на потрескавшемся асфальте, он пытался контролировать дыхание, но оно становилось только тяжелее.

Глория медленно потянулась к рюкзаку. Из бокового кармана она достала маленький таймер. Металлическая коробочка, с ободранными цифрами, выглядела почти игрушечной, но сейчас это было их оружие. Она завела его на десять секунд, услышала резкий треск заводной пружины, обмотала таймер полоской скотча, чтобы тот не развалился, и, прицелившись, метнула через улицу.

Металл с глухим стуком ударился об асфальт.

Группа замерла. Даже дыхание на мгновение стихло.

- Тикает... - выдохнул кто-то, и слова разлетелись, как искра в сухой траве.

Глория почувствовала, как напряжение обвило горло. Она крепко сжала ремень рюкзака, готовясь к броску.

Десять секунд показались вечностью.

И вдруг тишину разорвал мерзкий электронный писк. Резкий, раздражающий, металлический. Таймер зазвенел так громко, что эхом ударило в стены пустых цехов.

Зомби, словно по команде, повернули головы. Их движения стали резче. Руки вытянулись вперед, челюсти клацнули в пустоте. И вся толпа, словно единое тело, рванулась туда, где пищал таймер. Топот ног слился в монотонный гул.

- Сейчас, - прошептала Глория, и в ее голосе было железо.

- Бегом! - рванула она громче и первой поднялась на ноги.

Группа сорвалась с места. Асфальт закрипел под подошвами, дыхание смешалось в единый тяжелый ритм. Сердца били быстрее, чем шаги. Они мчались по переулку, пока за спиной, по другую сторону улицы, зомби все еще толпились вокруг пищущего устройства, ломая друг друга и пытаясь достать недостижимый звук.

Им удалось пробежать два квартала и скрыться за воротами складской базы. Внутри было темно и прохладно. Пахло металлом, сыростью и еще чем-то странным.

- Здесь кто-то был, - прошептала одна из девушек, - совсем недавно.

На стене кто-то мелом написал:

«Мы выжили. Ушли на север. Если вы живы - не теряйтесь.»

- Кто-то еще жив, - выдохнул Винченцо.

- Значит, у нас есть шанс, - ответила ему Глория.

Внутри аптечного склада пахло пылью, старыми картонными коробками и чем-то сладковато-гнилым, будто когда-то здесь хранили фрукты, которые сгнили и впитались в бетон. Металлические стеллажи стояли полупустыми. Где-то валялись разбросанные блистеры с таблетками, пустые упаковки, коробки, разорванные кем-то в панике. Казалось, что здесь уже побывали такие же, как они, искали спасение в лекарствах и медицине, но брали все подряд и не задумывались, что пригодится, а что нет.

Глория шла медленно, освещая фонариком каждый угол. Луч скользил по надписям на коробках, выхватывал куски этикеток и надорванные клочки бумаги. Она прикинула, что вряд ли здесь можно найти что-то действительно редкое, но нельзя уходить с пустыми руками. В углу лежал вскрытый ящик, из которого кто-то высыпал марлевые бинты. Девушка подняла один более-менее чистый и положила в рюкзак. Чуть дальше, на верхней полке, нашлась запаянная упаковка антисептических салфеток, и это было почти чудом, срок годности еще не истек.

Они собрали повязки, несколько пузырьков с растворами, какие-то ампулы, упаковку обезболивающих таблеток и два противошоковых набора. Коробочки были небольшие, плотно запаянные, в каждой лежали шприц-автомат и ампула с препаратом. В руках они казались тяжелее, чем выглядели.

Глория задержала взгляд на одном из наборов. В груди кольнуло что-то неприятное: слишком уж очевидным было, что однажды придется использовать это, и, скорее всего, не один раз. Она повернулась к Винченцо. Его лицо в тусклом свете выглядело усталым и чуть жестким, будто он научился держать в себе то, что раньше выплескивалось наружу.

- Возьми себе, - сказала она, протягивая ему один из наборов. Голос прозвучал хриловато, но в нем было больше заботы, чем приказа. - мало ли что.

И впервые за долгое время на ее лице появилась улыбка. Она была странной и немного неловкой, как будто она сама не верила, что еще способна на такое. Улыбка казалась усталой, почти надломленной, как у человека, который видел слишком многое, пережил больше, чем должен был, и все равно не сломался.

Винченцо осторожно взял коробочку. Его пальцы коснулись ее ладони, и прикосновение оказалось неожиданно живым, как будто на миг вернуло обоим ощущение нормальности. Он посмотрел на девушку и кивнул.

- Спасибо, - тихо сказал он.

В этот момент Винченцо вдруг осознал, что хочет дожить не только до следующего боя и не только до очередной передышки. Ему захотелось дожить до будущего, которого пока еще не существовало. Хоть бы до следующего утра, чтобы снова увидеть ее рядом. И это желание оказалось сильнее страха.

Группа Глории укрылась на складе. Это было старое административное здание с поломанными жалюзи и терпким запахом плесени. На втором этаже расположился штаб. Там раньше была бухгалтерия, теперь расположился центр выживания. Остальные ушли вниз распределить дежурства, выставить охрану, вытащить раскладушки и приготовить поесть.

Винченцо сидел у стены, разглядывая бинт на своей ноге. Глория молча подошла, присела рядом. У нее в руке была бутылка воды.

- Попей. Все равно у нас одна канистра на всех, но ты выглядишь как выжатый лимон, - сказала она тихо, глядя перед собой.

Он взял бутылку.

- Спасибо... Это ведь не было частью плана? Найти других выживших?

- Нет. Но если они оставили надпись, значит еще вернутся. Или хотя бы знали, куда шли. Это уже что-то.

- Думаешь, стоит искать?

- Думаю, стоит жить до завтрашнего дня. А там как пойдет.

Пауза затягивалась. Только капало где-то с потолка.

- Ты давно... выживаешь? - хрипло спросил он.

Глория усмехнулась.

- С того дня, как мой бойфренд схватил меня за руку, а у него уже не было зрачков.

- Прости.

- Не надо. Просто теперь я лучше стреляю. И все.

Она встала, оглядела помещение.

- Ты нормально? Можешь сегодня ночью быть на смене?

- Конечно, - Винченцо отсалютовал рукой.

Внезапно снизу раздался крик.

Все сорвались с мест. Лестница загудела от быстрых шагов, в воздухе разлился запах паники. Внизу, у импровизированной кухни, сидела Лина - девушка, которая разбиралась в травах и готовила еду для всего отряда. Она держалась за плечо, с которого капала кровь. А рядом лежал Фрэнк или то, что от него осталось: сломанная шея, растерзанное лицо, судорожно сжимающиеся пальцы.

- Он... он проснулся ночью. Я думала, что он просто болен. Горел весь. Я не сказала. Думала, обойдется, - дрожала Лина. - он начал превращаться и... он укусил меня.

- Черт, - выдохнула Глория.

- Вирус внутри, - сказал кто-то. - все, это начало конца.

Парни уже держали Лину на прицеле.

- Пойдите! - Винченцо сделал шаг вперед. - а если попробовать лекарства? У нас же есть что-то?

- Они не работают. Это просто парацетамол и надежда, - сказала Глория. - укусы же билет в один конец. Я... Я не могу - голос ее дрогнул.

Но потом она подняла оружие.

- Глория, - прошептал Винченцо. - позволь мне.

- Нет. Это моя группа. И это мои правила.

Она подошла к Лине, опустилась на колени.

- Прости меня. Если бы можно было иначе...

Звонящую тишину пререзал выстрел.

Похоронили обоих сразу за зданием. Без слов и лишних прощаний. Просто лопата, земля и кресты из обычных досок.

Глория долго стояла над ямой. Винченцо, прихрамывая, встал рядом с ней. Оба какое-то время помолчали. Потом девушка вдруг сказала:

- Я ненавижу это. Привязываешься к ним и потом теряешь. Поэтому не привязывайся, Винч. Не привязывайся ко мне! Ты понял?! - голос сорвался на крик.

- Уже поздно, - тихо ответил он.

Она посмотрела на него первый раз по-настоящему, без маски командира. И глаза у нее показались Винченцо не просто уставшими. В них была боль, выжженная временем, и что-то еще. Тихая, отчаянная надежда теплилась глубоко в зеленых зрачках.

- Тогда держись рядом. До конца, - уже спокойно сказала она ему.

И ушла обратно в здание, а он остался еще на минуту. Стоял и думал о том, что конец - это не всегда смерть. Иногда это просто шаг за грань, где тебе становится не все равно.

Группа увидела парня у старого моста. Лежащего одного и в крови, но живого. Странно, что живого.

- Он не похож на наших, - сказал Джим.

- Проверим? - Глория уже держала оружие наготове.

Но парень не шевелился, только тяжело дышал. На его шее виднелся заживающий след от укуса.

- Ты кто? - спросил Винченцо, подходя ближе.

- Меня зовут Томас... Я шел в поисках еды и поскользнулся здесь в луже крови. Я... они меня укусили три дня назад. Но я все еще... я человек. Я клянусь!

Все замерли. Глория прищурилась.

- Чушь! Укушенные живут пару часов. Потом или отбрасывают тапки, или жрут мозг.

- Я не вру, - прохрипел Томас. - у меня нет лихорадки, нет галлюцинаций. Только шрам.

Глория кивнула Джиму, и тот с силой прижал парня к земле. Девушка проверила зрачки, дыхание, пульс, температуру. Все было в пределах нормы. Только слегка учащенное дыхание от страха, не от инфекции.

- Винч, - сказала она. - мне нужна его кровь. Прямо сейчас.

- У него другие антитела, - шептал Джим, перелистывая страницы какого-то потрепанного медицинского учебника. - они словно распознают вирус, но не дают ему размножаться. Это похоже на естественную защиту. Как будто у него прививка. Только откуда?

- Генетика? - предположил Винченцо.

- Или он уже переболел чем-то похожим, - добавила Глория. - до вспышки. Что-то далекое, но родственное вирусу.

Они замолчали. Томас поел и дремал рядом на раскладушке. Глория сидела у окна и смотрела на улицу. Винченцо подошел к ней и сел рядом.

- Ты справилась сегодня. Снова.

- Не хочу больше справляться. Я устала, - отрезала Глория.

- Тогда дай мне часть этой ноши?

- Зачем? Ты же видишь, как все сейчас хрупко. Живем по дням. Смерть ждет каждого из нас под дверью.

- Знаю. Но пока она не пришла, мы живы. А если мы живы, то можем чувствовать. Можем быть вместе.

Она не ответила. Только немного повернула голову. В свете костра, за окном, отблеск ее глаз казался золотым.

- Если Томас выживет, если у него действительно иммунитет, - сказала она, - у нас есть шанс. Маленький, но есть.

- А если нет?

- Тогда... я все равно хочу это прожить с тобой. Неважно сколько по времени.

Винченцо не стал тянуться к ней. Только положил ладонь поверх ее сухой мозолистой руки. Молча и осторожно, боясь, что она ее отдернет. Глория не убрала руку.

Томас проснулся и позвал ребят.

- Мне снилось... будто я сгораю. Но не умираю. Как будто... я внутри вируса, но он - внутри меня, - поделился он.

Глория посмотрела на него пристально.

- Ты принимал что-то? До вспышки? Экспериментальное?

- Да... я был в исследовательской группе. Работал над вакциной от редкого энцефалита. Там был вирус-носитель. Может быть... - он не договорил и замолчал, задумавшись.

Все переглянулись.

- Вот она, зацепка, - выдохнул Джим.

- Нам надо тебя сохранить, - тихо сказала Глория.

- Мы все теперь твоя охрана, Томас. До конца, - добавил Винченцо. - или до начала.

Глория не спала. Что-то было не так.

В коридоре послышался скрип досок. Она взяла пистолет и вышла из комнаты босиком. У двери в склад кто-то возился с замком.

- Джим? - удивилась девушка.

Он обернулся. В руках парень сжимал топор.

- Ты не понимаешь, - начал быстро говорить он, не прячась. - этот парень, этот Томас, он - угроза. Он спит в двадцати метрах от нас, укушенный. Какого черта мы держим его рядом?
- Он не заражен, - рассерженно прошипела Глория. - у него иммунитет.

- Пока. А потом проснется и пойдет рвать нас всех на куски. Или хуже. Инфицированные мутируют. Кто знает, что выйдет из него?

- Он - наш шанс, Джим. Если мы убьем его, мы уничтожим все, ради чего сражались.
- Нет. Я просто... хочу обезопасить всех нас.

Джим сделал шаг к двери.

- Отойди, Глория.

- Попробуй.

Они стояли напротив. Один с топором, другая с оружием.

- Я не хочу этого делать, - сказал он.

- А я - позволять тебе делать это. Назад!

Из комнаты вышел Винченцо. И без слов просто встал рядом с Глорией.

- Вы с ума сошли, - пробормотал Джим. - он вас убьет. И я буду прав.

- Если доживешь до этого, - бросил Винченцо. - убери топор, Джим. Иначе я сломаю тебе руку.

Томаса переместили в подвал. Под замок, но не как пленника, а чтобы избежать повторного конфликта. Глория сидела рядом с ним, а Винченцо на лестнице караулил, чтобы никто не полез снова.

- Спасибо, - прошептал Томас.

- Не благодари. Если все подтвердится, ты стоишь дороже золота.

- Это страшно. Быть «ценным», когда люди вокруг голодны.

- Да. Особенно, когда это не золото, а твоя кровь.

Глория и Винченцо вышли на улицу, обоим хотелось немного воздуха и немного тишины. Он взял ее за руку.

- Джим не уймется, - сказал парень.

- Знаю. - ответила она, - но он боится. Мы все боимся.

- Но ты все еще выбираешь надежду. - Винченцо погладил девушку по щеке.

- Нет, - она остановила его руку. - я выбираю тебя. Потому что если все сгорит, я хочу быть рядом с тем, кто готов защищать, а не уничтожать.

Винченцо молча поцеловал ее. Позади замерла пустая улица, впереди ожидал хаос.

- Тогда, черт побери, у нас есть шанс, - выдохнул он.

Через два дня они были уже в пути.

Город полностью выгорел. Последний склад оказался пуст. Сухие пайки оказались только пылью в банках. Даже многочисленные крысы раннее деловито сновавшие в арыках, исчезли. Оставаться на одном месте значило медленно умирать.

Томас ехал в грузовике. Желтая пленка на шее - след укуса - затянулась, но осталась все равно видимой. Он пил мало воды, спал редко и чутко. Пару раз кашлял кровью, но выглядел живым. Слишком живым для укушенного зомби.

- Вирус не уходит, - объяснял он, когда Глория задала вопрос. - он... меняется. Как будто мы договариваемся.

- С ним?

- С чем-то, что внутри. Он не хочет убить меня. Он... ищет способ жить через меня. Или я через него. Не знаю.

Она молчала. А потом сказала:

- Ты можешь быть ключом.

Немного позже, когда серое небо будто еще сильнее нависло над развалинами города, они наткнулись на другую группу. Эти были совсем не похожи на тех, кого привыкли встречать раньше. Яркие, словно нарочно подбирали одежду, чтобы выделяться на фоне пепельных улиц. Шумные, разговаривали, переговаривались, даже смеялись, как будто не замечали тягостной тишины вокруг. Вооружены они были куда лучше: автоматы, блестящие ножи на поясе, у одного за спиной торчал обрезанный приклад винтовки.

Улыбки их казались теплыми, но в этих улыбках было что-то искусственное, будто тщательно натянутое. Винченцо это заметил сразу. Его руки так и тянулись ближе к оружию, но он держал себя в руках. Опыт подсказывал, чем более показная приветливость, тем опаснее люди за ней.

Главный у них выделялся сразу. Высокий, темноволосый, в черной куртке, носившейся с какой-то бравадой. На бедре висела портупея с пистолетом, рука скользила по ней легко, привычно. Его движения были неторопливы, но в каждом сквозила уверенность человека, который привык командовать. Он представился просто:

- Марк.

Голос его был низкий, с нарочитой ленцой, а слова он произносил так, будто пробовал их на вкус. В каждом слышалась едва уловимая насмешка.

- Глория, да? - он чуть прищурился, окинув ее взглядом. - красивое имя. Тебе точно с этими... потеряшками по пути?

Глория ощутила, как кровь прилила к лицу, но ответила твердо, почти резко:

- Я с ними. И с ним.

Она коротким движением указала на Винченцо.

Марк усмехнулся, скосив глаза на него.

- Ну-ну. Серьезно? - слова были простыми, но тон пропитан издевкой. Он окинул Винченцо взглядом сверху вниз, будто оценивая, стоит ли тот вообще чего-нибудь.

Винченцо стоял рядом, плечо к плечу с Глорией. Его поза была нарочито спокойной, но взгляд оставался холодным и прямым. Он не моргнул, не отвел глаз. Ни на миг.

- Мы не ищем проблем, - сказал он ровно, без угрозы, но и без уступчивости.

Марк чуть склонил голову, улыбка скользнула по его лицу, в ней мелькнуло что-то хищное.

- А я их не создаю. Пока.

Ночью все пили вино возле костра. Глория ушла в грузовик, Марк тут же последовал за ней.

- Слушай, если захочешь остаться с нами... никто не осудит. Я могу дать тебе гораздо больше, чем твой угрюмый парень с лицом киллера.

- Уходи, - прошипела Глория.

- Ты уверена? А если он погибнет ради какого-то «ключа», который вы даже не понимаете?

Он не знал, что за ее спиной уже стоял Винченцо.

- Еще одно слово - и я вытащу тебя наружу за ухо, - прошипела Глория.

- Они знают, - сказал Томас. - они как-то узнали. Про меня и про укусы.

- Кто сболтнул?

- Думаю, Джим. Он все еще считает меня угрозой. Или хотел обменяться.

Когда пошел дождь, все поняли, что так называемая «дружба» закончилась. Их грузовик был обнесен подчистую. Все патроны исчезли и один из своих пропал. Следы крови вели в лес.

И тогда пришел ультиматум:

«Оставьте парня. И девушку. Остальные могут идти. Мы дадим вам 10 минут. Потом начнется охота.»

Томас сидел в грузовике и дрожал. Вирус внутри него будто оживал, но не болезнью, а разумом. Парень слышал зов. Словно клетки его тела шептали. Как будто он сам становился чем-то новым, менялся внутри.

- Глория, - хрипло позвал он, - если я сойду с ума, пожалуйста, убей меня первой. Не дай им взять меня.

Она сжала его ладонь.

- Никто тебя не возьмет. Я обещаю.

Винченцо входил в грузовик и вышел уже с планом.

- Мы не отдадим ни тебя, ни ее. Но если сыграем правильно, можем не только уйти, но и ударить первыми.

Они поставили манекен у окна грузовика, обернули его старой курткой Томаса. Винченцо с Глорией и Томасом пробрались к заброшенному складу, в обход, через заросли. Еще трое из их людей пошли на холм с фальшивыми фонарями чтобы отвлечь внимание.

Марк и его головорезы бросились на грузовик, как и ожидалось. Жадные, самоуверенные, слишком уверенные, что весь мир принадлежит им. Они смеялись, кричали, стреляли в воздух, словно уже праздновали победу.

Манекен, примотанный к сиденью, выглядел достаточно правдоподобно, чтобы обмануть их на пару секунд. Этого хватило. Взрыв разорвал тишину. Банка бензина, начиненная гвоздями, рванула, будто выдохнула ярость всех тех, кого они когда-то убили. Огонь лизнул кабину, искры рассыпались веером. Трое из людей Марка рухнули на месте, тела разметало, как тряпичных кукол.

Из леса, словно из чрева самой земли, вылетели мины-растяжки. Они сработали одна за другой: хлопки, рваный металл, крики. Это был Бен, хакер. Когда-то он ковырялся в кодах и

вирусах, а теперь умел собирать смертоносные игрушки из гвоздей, проводов и старых банок. Двое головорезов упали, завывали, хватаясь за ноги.

Винченцо действовал спокойно, почти хладнокровно. Каждое движение отточено. Его прошлое увлечение стрельбой в тире вдруг стало бесценным навыком. Пули ложились метко, один за другим падали враги. Он не чувствовал ни злости, ни радости, только холодную необходимость. Война оставляла мало места для эмоций.

Глория в это время тянула Томаса за руку. Они пробирались к тоннелю, старого санатория, спрятанного в горах, который теперь мог приютить их и спасти от смерти. Камни под ногами скользили, в воздухе стоял запах гари и ржавчины.

Внезапно Томас споткнулся и рухнул на колени. Глория обернулась, собираясь поднять его, и замерла. Вены на его руках и шее вспыхнули в темноте мягким, почти голубым светом. Будто внутри него что-то зажглось.

— Что... это? - голос Томаса сорвался, в нем звучал настоящий ужас.

Глория, дрожа, всмотрелась.

- Твое тело... Оно... меняется.

Но они не успели отойти далеко. Перед ними словно из воздуха возникла фигура. Лана. Когда-то она была одной из своих, смеялась вместе с ними, сидела у костра. Теперь в ее глазах не осталось тепла. Она держала оружие, нацеленное прямо на Глорию и Томаса.

- Прости, - голос ее дрогнул, но палец на спуске был тверд. - они предложили мне воду. Убежище. Оружие. У вас нет шансов.

Глория застыла. Томас тяжело дышал, сжимая руками землю. На мгновение показалось, что это конец.

Выстрел прогремел. Но не Лана нажала на курок. Винченцо стрелял первым.

Он не хотел. В его взгляде мелькнула боль, но палец не дрогнул. Потому что это была война. Потому что выбора не было. Лана упала, оружие выскользнуло из рук и ударилось о камни.

Ребята, едва переводя дыхание, рванули в тоннель. Влажный воздух встретил их запахом плесени и стоялой воды. Томас шел все тяжелее, его грудь судорожно вздымалась. Вдруг он остановился, прижал ладонь к мокрой стене, словно в поисках опоры.

И произошло невозможное. Плесень под его рукой начала исчезать. Серые колонии, которые годами разрастались по камням, словно втягивались внутрь, таяли, открывая чистую поверхность.

- Ты это видел? - прошептала Глория, не веря собственным глазам.

Томас посмотрел на нее. Его глаза светились тем же холодным светом, что и вены.

- Что за... черт... - выдохнул Винченцо, стоявший чуть позади.

- Ты не просто имеешь иммунитет, Томас, - Глория смотрела на него, и страх в ее голосе перемешивался с надеждой. - ты... лечишь.

Томас тяжело сглотнул.

- Или... адаптирую, - прошептал он. - вирус меняет меня. А я - его.

Слова повисли в воздухе. Винченцо, наконец, осознал масштаб, не просто шанс выжить, а шанс изменить все.

- Если ты выживешь... - медленно сказал он, - ты не просто ключ. Ты - возможный конец этого кошмара.

Но надежда длилась недолго. Сзади раздался звук. В тоннеле, где только что была тьма, начали вспыхивать тусклые, жуткие огоньки.

Они остановились в этом старом санатории, затерянном в горах. Полуразрушенное здание с выбитыми окнами и облупившимися стенами все еще хранило в себе запах хвойной пыли, старых медикаментов и ржавого железа. Когда-то здесь лечили людей от болезней легких, теперь же сами стены словно впитали тяжесть чужого дыхания. Сквозь коридоры гулял ветер, скрипели двери, а на потолках висели клочья обвалившейся штукатурки.

Они надеялись отсидеться здесь хотя бы на ночь, пока Томас приходил в себя. Но покой был иллюзорным: каждый шорох отдавался в груди тревогой, и даже тишина казалась слишком хрупкой, готовой разлететься в любой момент.

- Мои пальцы... - Томас показал Глории руки. Кожа, еще недавно изрезанная, восстанавливалась прямо у нее на глазах. - смотри.

Ткани затягивались, оставляя лишь розовые следы. Укусы, что должны были гноиться неделями, блекли за часы. Когда он проходил мимо стен, покрытых серой плесенью, она будто отступала, как будто боялась его.

- Ты словно уже не человек, - тихо сказала Глория, не сводя глаз с его рук.

- И не зомби, - Томас поднял взгляд.

- Ты - мутация. - в ее голосе звучал и страх, и странное восхищение.

Ночью Томас не мог уснуть. Он сидел, слушая, как ветер свистит в трещинах окон, и ловил странные ощущения. Внутри него что-то шевелилось. Не просто вирус, а нечто осознанное, тихое, будто оно дышало вместе с ним. Он слышал его. Оно говорило. Не словами, а импульсами, ритмами. Оно исправлялось. Переписывалось.

Бен, хакер, к утру отыскал в подвале старое оборудование: лампы, реагенты, даже полусобранный микроскоп. Глория, когда-то учившаяся на медика, словно ожила. Она с трепетом проверяла образцы, готовила примитивные анализы, смотрела на кровь Томаса.

- У него измененный рецептор клеточной связи, - объясняла она, торопясь записывать обрывки данных в старый блокнот. - то, что убивает других, его организм просто перестраивает. Он не ломается, он переписывается.

- И, возможно, - глухо добавил Винченцо, - на его основе можно создать вакцину.

После этого он почти не отходил от Глории. Его взгляд постоянно искал ее, движения невольно тянулись к ней. Но Глория все чаще и чаще смотрела на Томаса.

Тот менялся не только телом. В его глазах появлялась странная мягкость, теплота, и в то же время в них жила чуждая сила. Он был уязвимым, когда лежал без сил после приступов. Страшным, когда его вены вспыхивали холодным светом. Красивым иной красотой, нечеловеческой. И теплым, когда его ладонь случайно касалась ее руки.

Однажды ночью, когда костер догорал, Винченцо не выдержал. Они сидели рядом, но Глория все время смотрела туда, где спал Томас.

- Ты к нему чувствуешь что-то? - спросил Винченцо негромко. В его голосе звучал не упрек, а боль.

- Я не знаю, - Глория растерялась, отвела глаза. - он словно... зовет. Не словами. Просто... тянет к себе.

Винченцо молчал долго. На его челюсти заиграли желваки, пальцы сжались в кулак. Наконец он глухо сказал:

- А я что для тебя? Просто солдат?

Глория не ответила. Молчала, опустив голову, чувствуя, как внутри все сжимается. Ответа не было. Или она боялась признать его.

Выстрелы прорезали ночную тишину, как ножи. Марк пришел не один, с ним были уцелевшие головорезы и новые союзники: люди в самодельной броне, с техникой, от которой у них в санатории не было ни укрытия, ни шансов. Казалось, внешняя сторона превратилась в раскаленную пасть, готовую сжечь все, что внутри.

- Они идут не просто за Томасом. Они хотят уничтожить нас, - сказал Бен, сжимая в ладони планшет и глядя на числа, которые мигали красным.

- Мы угроза их власти, у нас теперь имеется лекарство, - ответил Винченцо, голос сухой, как наждак. Его слова звучали твердо, но в них сквозила усталость: не каждый день люди получают шанс изменить мир.

Но один из своих, парень с испуганными глазами, вдруг выпалил:

- Томаса надо ликвидировать.

Комната замерла. Винченцо вскипел так, будто внутри что-то лопнуло:

- Что? - его голос был острым, как лезвие.

- Он меняется! - на взволнованном тоне висела паника. - вдруг заразит всех по-другому? Это не иммунитет, это что-то новое. Мы не знаем, что он такое!

Словно натянутая струна, разговор почти разорвался в драку. На грани кулаков и угроз Томас поднялся сам, тихо, без претензий, и поднял руки вверх:

- Если вы хотите, я уйду, - сказал он. В его голосе не было просьбы, была усталость и смирение.

Глория резко отпрянула вперед:

- Нет. Ты останешься. А кто против - пусть уходит сам.

Едва хрупкий мир неуверенно воцарился в группе, как в воздухе снова раздались выстрелы. Металл по металлу, крики, звук падающего тела. Марк пришел не договариваться, он пришел забирать.

- Вниз! - Винченцо толкнул Глорию, прикрыв ее собой. Пули свистели и отлетали от бетонных коробов, искры осыпались на пол.

- Где Томас?! - доносился голос снаружи, влажный от ночного холода и угрозы. - где он?! Отдайте, и выживете!

Томас уже стоял в дверном проеме. Он знал, за кем пришли. В его глазах не было страха, только сознание неизбежности.

- Не делай этого! - крикнула Глория, но ее голос тонул в шуме.

Он сделал шаг назад, готовясь уйти. Винченцо схватил его за ворот:

- Или мы сражаемся, или умираем. Выбирай.

Томас на секунду посмотрел на каждого из них: на Глорию, на Винченцо, на парней, наполненных страхом. Затем молча отвернулся.

Атака прошла тяжело. В коридорах и на лестницах поднялась паника. Огромный шум боевой машины и человеческий грохот оставили после себя запах гари, остатки взрывчатки и пятна крови на полу. Трое из их группы не поднялись и это были люди, которых они знали. Марк отступил, когда понял, что за его спиной не просто убежище, а группа, готовая защищаться. Это была лишь разведка, предупреждение и демонстрация силы.

Когда дым рассеялся и ночная тревога чуть ослабла, Бен сел к своему древнему ноутбуку и стал прогонять замеры. Его пальцы дрожали, но взгляд был сосредоточен. Он показал на экран, где мелькали графики и последовательности.

- Посмотри, - сказал он тише, - вирус перестроил его ДНК. Смотри на участки: он как редактор, вырезал патогенные части и заменил их на новые, несущие устойчивость.

- Как это возможно? - выдохнул кто-то из парней.

- Если мы сможем воспроизвести то же самое, - продолжал Бен, - то можно будет переписать любой штамм. Теоретически создать вакцину, которая не просто нейтрализует вирус, а переписывает его программную часть.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как приговор и как надежда одновременно.

- Ты хочешь клонировать его? - спросил Винченцо, в голосе его звучал не только страх, но и понятное отвращение к идее: сделать из человека инструмент.

Бен покачал головой:

- Не клонировать. Реконструировать. Воссоздать механизм. Если мы сможем найти, какие именно гены переписаны и каким белкам это соответствует, можно будет разработать протокол, который заставит другие организмы перестраиваться так же, но в защитную сторону. Это как переписать ошибочный патч в программе.

Глория слушала, держа в руках пробирку с образцом крови Томаса. Ее пальцы дрожали, но не от холода. В голове смешались научный восторг и необъяснимый страх за самого Томаса. Она посмотрела на него, он лежал на старом матрасе, бледный.

- Но это опасно, - прошептала она. - если мы начнем воспроизводить это без понимания всех последствий, то можем создать не лекарство, а новую катастрофу. Что если вирус адаптируется быстрее, чем мы думаем?

Винченцо, утомленный и сердитый, положил ладонь на грубую поверхность стола:

- Нам нужно действовать быстро. Если Марк вернется с большими силами, то он заберет Томаса силой или уничтожит нас всех. Если у нас есть шанс, мы должны воспользоваться им.

- Но на какой цене? - пробормотал один из парней у самого угла, голос был тонкий от усталости. - кем мы тогда станем?

Ответа не нашлось. Санаторий наполнился шорохами: кто-то укладывал трупы, кто-то бинтовал раны, кто-то молча смотрел в окно, где далеко мелькали огни чужих костров. Марк отступил, но знать, что он вернется было одной из худших вещей. Впереди маячили выборы: лечить мир любой ценой, или сохранить человечность и рискнуть потерять единственную возможность.

Глория все чаще ловила себя на мыслях, которых раньше у нее не было. Они приходили внезапно, как прилив, и оставляли после себя дрожь. Всплески чувств, необъяснимые, влажные сны, образы, которые не давали спать: Томас, держащий ее в объятиях; она сама не совсем человек, кожа у нее как у кого-то другого, взгляд чужой и в то же время знакомый. Эти видения были ближе всего к тому, что можно было назвать искушением, теплота, которой она никогда не позволяла себе, и одновременно ощущение, что ее сознание кто-то сканирует.

- Что ты делаешь со мной? - спросила она однажды.

- Ничего, - ответил он мягко.

- Ты в моей голове, - упрямо прошептала Глория.

Он на нее посмотрел, и в его глазах было столько же честности, сколько и странной отчужденности. Он молчал, но потом, как будто вынужденный объясниться, сказал:

- Я чувствую вас. Всех. Это не по моей воле. Просто... я становлюсь сетью. Понимаешь?

Ночью Глория плакала в одиночестве, прижимая лицо к холодной подушке не от слабости, а от растущего ужаса и горькой надежды одновременно. Он исцеляет - это факт. Он - шанс. Но теперь она знала и другое: Томас способен на большее. Он мог не просто давать иммунитет, он мог переписывать сознание, вторгаться в мысли, делать людей частью чего-то нового и чуждого.

Ночью ей виделись сны, где люди теряли себя не медленно, а как будто по команде: взгляд бледнел, шаги становились ритмичными, и голос один за другим становился эхом. В одном из видений она слышала чужие мысли, не свои, и в этой мешанины чувств впервые ощутила ненависть, не к Томасу, а к тому, что он мог привести в мир.

- Он не вакцина. Он - мутация. Он не человек, - сказала она однажды Винченцо, когда они остались наедине возле тлеющего костра. Слова вырывались из нее скоро и резко, как приговор.

Винченцо посмотрел на нее долго. В его взгляде была боль и требовательность одновременно. Он знал, как дорого им всем обходится надежда, но понимал и цену риска.

- Ты боишься его? - тихо спросил он.

- Боюсь, что он - это начало новой формы жизни, - призналась Глория. - мы не знаем, кем он станет через неделю. Через день. Если он начнет распространять не просто иммунитет, а способность менять волю, мы потеряем людей вовсе. Не лечением дело будет, а заменой.

Между ними повисла тишина. Ветер шуршал в ветках вдали. Глория думала о людях, которых они могли спасти; думала о тех, кого можно потерять навсегда, если дать мутации волю. И понимание пришло не в виде молнии, а как холодный расчет: если цена выживания променять человечность на новую форму бытия, то она не согласится.

Решение оформилось просто и жестко, как приказ самой себе. Глория подняла голову, глаза ее были сухие от слез, но твердые. В голосе, в котором не было ни сантиметра колебания, прозвучало:

- Если придется, я его остановлю.

Они затаились в старом санатории. Марк ушел, но это был не конец, а короткая передышка. Снаружи гудело тревожное лето, а внутри каждого бушевал шторм.

Томас сидел у стены, все его руки были перемазаны кровью.

- Я не знаю, что со мной, - прошептал он. - когда стреляли, я почувствовал, кто выстрелит следующим. Я слышал... мысли? Или чувства. Паника, злость, желание выжить. Я не знаю, где кончаюсь я.

Он поднял взгляд на Глорию.

- Ты думаешь слишком громко.

- Прекрати! - она отступила. - это мое. В голове - это только мое и ты не имеешь права.

- Я не хотел. Оно само.

- Значит, учись держать себя в узде. - отрезала она, - пока еще ты человек. Пока мы тебе верим.

Глория сидела, склонившись над картой, пытаясь отвлечься. Винченцо подошел и сел рядом, не говоря ни слова.

- Он пугает меня, - прошептала она. - и не потому, что может причинить боль. А потому что я начинаю видеть в нем что-то... красивое. Как будто он становится идеей.

- И ты теряешь себя?

- Да.

- Тогда позволь мне напомнить, кто ты, - он взял ее руку, прижал к губам. - Глория, я здесь. Я человек. Не идеальный, не сверх разумный. Но я чувствую тебя, настоящую.

Она не отняла руки.

- Ты всегда знал, как вернуть меня к себе.

- Потому что я люблю тебя.

Томас услышал их разговор. Он не подслушивал, чувствовал. И сжал кулаки.

Он не знал, завидует ли, злится ли, или просто хочет понять. Почему он, с этим теплым голосом и обычным сердцем, так нужен ей?

В глубине шевельнулась новая мысль. «Если бы ты захотел, то мог бы вызвать в ней любовь. Или страх. Или и то, и другое»

Томас вскочил и ушел в темноту.

Ночь опустилась плотно, как кисея, пропитанная пеплом. Снаружи было тихо, слишком тихо, чтобы быть спокойным.

Первая тварь появилась у заднего выхода. Потом - еще одна. Через минуту их были десятки: гниющие тела, темные глаза, судорожные движения. Они молча подходили, как волны на море.

Крик часового срезал тишину.

- Зомби! Они идут!

Глория схватила винтовку, Винченцо выстрелил первым, остальные бросились к бойницам. Металл визжал, пули били по телам, которые не чувствовали боли. Бой шел жаростно, но патроны были на исходе.

Томас медленно шагнул в центр зала, к открытому проему, где стояли зомби. Его лицо было бледным, а глаза черными, как ночь. Он поднял руки, будто встречал старых друзей.

И все изменилось.

Твари замерли.

Они дрожали, как в ожидании команды, потом начали пятиться. Один за другим ходячие мертвецы развернулись и ушли обратно в темноту. Без звука и без единого следа.

- Что... только что... было? - прошептала Глория.

- Они... слушаются его? - выдохнул кто-то из группы.

В углу, под завалами, задышался укушенный. Парня звали Арман, в обычное время тихий, спокойный и малозаметный в их группе.

- Пожалуйста, - хрипел он. - я не хочу превратиться. Пожалуйста, пристрелите меня сейчас, пока я еще...

- Нет, - сказал Томас и подошел к парню.

- Уйди! Не трогай меня! - Арман попытался вскочить и оттолкнуть Томаса.

- Поверь мне.

Томас опустился на колени, коснулся лба Армана.

Миг - и тот выгнулся, как под током. Свет вспыхнул в глазах, парень закричал, дернулся и замер.

- Он... он дышит ровно, - Глория уже была рядом, провела пальцами по его шее. - температура... нормальная?

Винченцо смотрел на Томаса как на оружие, как на откровение.

- Это возможно. - он сжал кулак. - мы можем создать лекарство. Через твою кровь, твою ДНК...

- Вы хотите использовать меня?

- Ты хочешь, чтобы люди жили. Это одно и то же.

Глория смотрела на Томаса долго, слишком долго. Он ничего не говорил, просто смотрел в ответ.

- Если у тебя есть шанс все изменить, - сказала она тихо, - тогда, может быть, ради этого ты и выжил.

Тишина после боя казалась неестественной. Пахло гарью, гильзами и влажной пылью старого санатория. В углу Арман уже спал, его дыхание стало глубоким и спокойным, словно все недавнее мучение было лишь дурным сном. Остальные молчали. Каждый понимал: они только что стали свидетелями того, что невозможно объяснить привычными словами.

Томас сидел, прислонившись к стене. Его пальцы слегка дрожали, как у музыканта после долгого выступления. Он чувствовал в себе странную пустоту, словно энергия, ушедшая на исцеление, высосала его самого. Но вместе с усталостью приходило и новое чувство - ясность. Он знал, что с Арманом все будет хорошо. Так же, как знал, что зомби уже не вернутся этой ночью.

Глория подошла ближе. Ее шаги отдавались гулким эхом в пустом зале. Она села напротив и долго смотрела ему в глаза.

- Ты понимаешь, что только что сделал? - спросила она тихо, почти шепотом.

- Я просто коснулся его, - ответил Томас. - остальное произошло само.

- Нет, - покачала головой Глория. - это не «само». Это было сознательно. Вирус действует через тебя, но ты не его пленник. Ты направил его.

Она замолчала, подбирая слова, но вместо них в ее взгляде была смесь страха и восхищения.

Винченцо вмешался резким голосом, словно боялся, что между ними возникнет слишком многое, чего он не готов был допустить:

- Хватит загадок. Мы видели, что ты сделал. Это значит одно: у нас появился шанс. Шанс, за который стоит воевать.

Он шагнул к Томасу, нагнулся так, чтобы их глаза были почти на одном уровне.

- Но ты должен понять, парень. Теперь ты не просто часть группы. Ты ее цель. Ты ее оружие.

Томас выпрямился, в его голосе звучала неожиданная твердость:

- Я не оружие.

- Тогда будь лекарством, - холодно бросил Винченцо. - это все равно одно и то же.

Внутри Глории все металось. Она видела, как нарастает противостояние между ними. Один хотел сохранить в Томасе человека. Другой - превратить его в символ борьбы. И в каждом из этих путей было что-то необходимое, но и что-то опасное.

Ночь тянулась бесконечно. Снаружи ветер шелестел листвой, где-то падали камни, и в каждом шорохе слышалась угроза. Группа дежурила по очереди. Когда пришла очередь Глории, она сидела у входа с винтовкой и не могла отвести взгляд от спящего Томаса. Его лицо было спокойным, даже красивым, но под кожей словно текла какая-то иная энергия.

«Он уже не человек», - думала она.

И тут же ловила себя на другом: «Или, наоборот, он первый настоящий человек нового мира».

На рассвете Бен принес результаты анализов, сделанных на найденном оборудовании. Его руки дрожали, когда он показывал распечатку, на которой были графики и кривые.

- Посмотрите, - сказал он. - его клетки не просто изменены. Они динамичны. Они переписывают себя каждую минуту. Это как... как самонастраивающийся код. Вирус не разрушает его, а строит заново, слой за слоем.

- Это значит, - медленно произнес Винченцо, - что он может стать основой для новой вакцины. Или для чего-то большего.

Бен кивнул:

- Да. Но есть и опасность. Если процесс выйдет из-под контроля, он может стать началом другой эволюции. Того, что мы не сможем остановить.

Глория сжала губы и опустила глаза. Ее решение только крепло: если Томас перейдет черту, остановить его придется ей.

В тот же день к санаторию снова подошли разведчики Марка. На этот раз они не приближались, просто стояли на границе леса и смотрели. Их лица скрывали шлемы, оружие было готово к бою. Это было молчаливое предупреждение: времени почти не осталось.

Томас видел их, но чувствовал больше, чем глаза позволяли. За масками он ощущал жадность, страх, злость и еще что-то неясное, вязкое, чужое. Словно тьма внутри этих людей уже была больше, чем люди сами. И тогда он понял, что война идет не только снаружи. Она идет и внутри каждого.

Он вышел к остальным и сказал:

- Они боятся нас не из-за того, что у нас есть оружие. Они боятся, потому что я существую.

- И они будут идти, пока не получают тебя, - ответил Винченцо. - или пока мы не уничтожим их.

Глория смотрела на обоих мужчин и понимала, что их пути начинают расходиться. Один видел в Томасе свет, другой - силу. А она... Она чувствовала, что стоит между ними и что именно ее выбор когда-нибудь решит, кем Томас станет - спасением или началом новой эры ужаса.

В их убежище ночи были длиннее, чем снаружи. Когда-то белые стены давили, воздух стоял тяжелый, и любой шорох за дверью заставлял сердце подпрыгивать к горлу.

Винченцо почти не спал. Он дежурил у импровизированного баррикады, крепко сжимая в руках лом. Томас ворочался неподалеку, а Глория сидела у стены.

- Мы не можем больше ждать, - прошептал Томас, разрывая тишину, - нужны припасы. Если мы будем сидеть, как крысы, мы сдохнем от жажды раньше, чем от зубов этих тварей.

- А если выйдем сейчас - подохнем сразу, - отрезал Винченцо, не оборачиваясь.

- Трусость тоже смерть, - Томас приподнялся, его глаза блеснули в темноте, - но не все умеют это понять.

Глория почувствовала, как между ними натягивается невидимая струна. Она знала, что стоит кому-то шагнуть ближе, и склад превратится не только в ловушку от зомби, но и арену для двоих мужчин.

А в это время, за десятками кварталов отсюда, Марк пробирался сквозь коридоры полуразрушенной библиотеки. Его привели туда странные люди в рваных плащах. Их лица скрывались за капюшонами, но в глазах горело фанатичное пламя.

- Ты видишь? - один из них указал на стену, где кровью были нарисованы символы. - это не проклятие. Это перерождение. Вирус - дар. Он очищает мир от слабых.

Марк слушал. Сначала хотел смеяться. Потом перестал. Слова фанатиков звучали как сумасшествие, но в них было странное утешение. Если поверить, что все это имеет смысл, то становилось легче дышать.

Они говорили о «новом теле» и «вечной плоти». Они верили, что зараженные не чудовища, а избранные. И чем дольше Марк сидел в их кругу, тем сильнее ощущал: эти люди нашли смысл там, где у него самого внутри зияла пустота.

В санатории росло напряжение. Винченцо и Томас спорили все громче, забывая, что говорить нужно шепотом.

- Твои планы - это смерть! - сжал кулаки Винченцо.

- А твоя осторожность - это цепи, - усмехнулся Томас. - люди умирают, потому что ты боишься действовать.

Глория встала между ними.

- Хватит! - ее голос дрогнул. - мы не можем позволить себе драку. Если вы хотите убить друг друга, то делайте это не здесь.

Оба замолчали, глядя на нее. Винченцо - с болью и упрямством, Томас - с презрительной усмешкой.

И Глория впервые поняла: выбирать придется не только путь выживания.

Марк сидел у огня, который горел прямо в каменном зале библиотеки - в центре, на обломках мебели и книг. Пламя отражалось в глазах людей, собравшихся вокруг. Они шептали слова, похожие на молитву, и каждое слово повторялось эхом под сводами, будто стены тоже слушали.

- Мы плоть, - произнес высокий мужчина с лицом, испещренным старыми шрамами. Он был явно вожаком. - мы продолжение силы. Вирус дал нам новый мир. И только те, кто примет его, войдут в будущее.

Толпа ответила хором:

- Только те, кто примет!

Марк сжал кулаки. Все это казалось безумием, но его охватывало чувство принадлежности. В этом сумасшедшем мире наконец кто-то говорил так, будто знает, зачем все происходит.

На алтарь из сложенных досок вывели зараженного. Он был связан, его губы дергались, из горла вырывался низкий стон. Но глаза, его глаза были почти человеческими.

- Он ближе к истине, чем мы, - произнес вожак, и голоса вновь эхом подтвердили. - мы поможем ему завершить переход.

Один из фанатиков достал нож, другой вытащил сосуд, похожий на старый канистру из-под топлива. В воздухе запахло железом, потом чем-то сладким и приторным, как гниль. Они собирали кровь.

Марк смотрел, как все это происходит, и чувствовал, что должен отвернуться. Но не смог. Ему даже показалось, что зараженный смотрит прямо на него, но не с ненавистью, а с каким-то мольбой.

- Испей, - вдруг вожак поднес сосуд к Марку. - тогда ты станешь видеть.

- Это... кровь? - Марк едва выговорил.

- Это не кровь. Это ключ.

Толпа замерла. Все глаза были на нем. Внутри Марка боролись: ужас, отвращение, но и странное, липкое любопытство. «А если они правы? - мелькнуло в голове. - а если вирус - это не конец, а только начало?»

Руки сами потянулись к сосуду. Горячая жидкость коснулась губ, вкус был мерзким, металлическим и вместе с этим взорвался резким всплеском в голове. Как будто парень вдохнул нечто живое.

Толпа взревела, и кто-то положил ладонь ему на плечо.

- Теперь ты с нами, брат.

Марк опустил глаза. Мир качнулся. И вдруг показался яснее, чем когда-либо.

Сначала это был просто привкус металла во рту, тянущийся неприятной тягучестью. Но через несколько минут Марк почувствовал, что воздух стал гуще, как будто каждый вдох пропитан чем-то невидимым. Звуки усилились - потрескивание огня, хрип плененного зараженного, даже биение собственного сердца.

Он поднял глаза, и мир дрогнул. Лица фанатиков вокруг больше не были одинаковыми. Каждое лицо будто подсвечивалось изнутри, одни теплым, живым сиянием, другие - мертво-синим, пустым. Марк моргнул, думая, что это игра света. Но видение не исчезло.

А потом он посмотрел на зараженного.

И сжал зубы, чтобы не закричать.

Тварь уже не выглядела просто разложившимся телом. Внутри, за слоем гнили и искаженной плоти, Марк увидел пульсирующую искру слабую, колеблющуюся, но не потухшую. Человеческое что-то. Душа? Остаток сознания?

- Ты видишь, - вожак произнес спокойно, словно проверяя его.

- Что... что это?

- Правда, - сказал тот. - вирус не убивает. Он меняет. В каждом из них остается часть прежнего. Но лишь те, кто примет силу, могут это узреть.

Марк не сводил взгляда с искры. В голове зазвучал чужой голос слабый, дрожащий, как будто взывающий: «Помоги...» Он не знал, вообразил ли это или действительно услышал.

Толпа закричала, и ритуал продолжился. Но Марк уже не был прежним. Он не видел в зараженных тупых чудовищ. Теперь они стали чем-то большим. Чужим, но странно близким. И эта мысль не отпускала: а если они не враги? А если враг совсем другой?

Марк вернулся глубокой ночью. На нем еще висел запах костра и чего-то горелого, будто дым вьелся в кожу. Когда он вошел в полуразвалившийся склад, где они устроили временное укрытие, остальные подняли головы.

- Где тебя носило, брат? - сразу спросил Лэнг, правая рука Марка. - ты исчез на два дня. Мы думали, ты труп.

Марк задержался в дверях. Его глаза блеснули в тусклом свете фонаря.

- Я нашел ответ, - сказал он тихо.

В комнате наступила тишина. Даже те, кто раньше относился к нему лояльно, теперь смотрели настороженно. Он сел ближе к стене, медленно снял куртку, и все увидели странные отметины на его руках - следы краски или пепла, нарочито выведенные символы.

- Что это? - спросила Джоан, девушка, которую Марк с недавнего времени объявил своей подружкой.

Марк усмехнулся.

- Это знак. Я видел то, что мы упускаем. Мы боимся вируса, а ведь он сила. Он меняет, он очищает.

Слова повисли в воздухе, как приговор. Несколько человек тут же зашептались. Лэнг поднялся.

- Ты сошел с ума. Это то, из-за чего мы теряем людей каждый день. Ты хочешь сказать, что они, эти твари, правильные?

- Они первые, - холодно ответил Марк. - мы последние. Те, кто сопротивляется, но сопротивление бессмысленно.

Джоан шагнула к нему ближе, почти шепотом:

- Что они с тобой сделали?

Марк посмотрел прямо на нее. Его глаза уже не были прежними, в них горел фанатичный свет, но где-то глубоко мелькнуло и сомнение.

- Они открыли мне глаза, Джо.

После этих слов в группе начался раскол. Одни потребовали выгнать его, пока он не натянул на них заразу или чужие идеи. Другие молча слушали, и было видно, что часть этих слов зацепила их.

А сам Марк, сидя у стены, чувствовал странное: вместо того чтобы защищаться или спорить, ему хотелось, чтобы они поняли. Чтобы они тоже увидели то, что он увидел. И это желание оказалось сильнее страха потерять своих.

Он снова заговорил, так, что каждое его слово будто капало ядом в уши остальных. Джоан не сводила с бойфренда глаз. Она была с ним недавно, но сейчас не верила в это новое лицо.

- Ты врешь, - наконец сказала девушка, резко, так, что остальные вздрогнули. - они промыли тебе мозги. Ты всегда был за людей, Марк. Не смей говорить, что мы последние.

Марк поднял взгляд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

- А может, ты просто боишься принять правду?

- Правду? - Джоан шагнула к нему ближе, и теперь ее голос дрожал. - что мы все должны стать ими? Что заражение - это «сила»? Это не правда, это смерть.

Лэнг поддержал:

- Она права. Ты опасен, Марк. Если продолжишь говорить такие вещи, я сам вышвырну тебя отсюда.

Среди остальных пронесся гул. Одни кивали, другие молчали, не решаясь выбирать сторону.

А Джоан смотрела прямо в глаза Марка и понимала, что тот, кто вернулся к ним, уже не совсем тот Марк, которого она знала. И это пугало сильнее, чем сама зараза.

Глория сидела на ступеньках заброшенной школы, обхватив колени. Возвращение из вылазки за лекарствами дало результат - они раздобыли все необходимое, но внутри группы поселилось напряжение, которое не отпускало.

Томас ходил по комнате быстрыми шагами, будто зверь, загнанный в клетку. Его голос резал воздух:

- Ты чуть нас всех не погубил, Винч. Из-за твоей нерешительности нас заметили! Нужно было действовать жестко, быстро, а не мяться, словно у нас есть время.

Винченцо поднял взгляд. В его чертах не было злости, только усталость и странное спокойствие.

- Том, мы справились. Мы живы. Я просто не хотел проливать лишнюю кровь. Там были такие же люди, как и мы.

- Люди? - Томас усмехнулся холодно, почти зло. - они бы перерезали нам глотки ради банки консервов. Или ты еще веришь в доброту?

Глория сжалась. Ей казалось, что слова Томаса обжигают воздух вокруг. Винченцо, наоборот, звучал тише, мягче, будто хотел удержать остатки человечности хотя бы внутри их маленькой группы.

- Я не верю в доброту, - тихо ответил он. - я просто хочу, чтобы мы оставались людьми. Пока у нас есть шанс выбирать.

- Этот шанс убьет нас, - жестко отрезал Томас. - кто замешкается, тот труп. Запомни.

Он остановился, глядя прямо в лицо Винченцо, и на секунду показалось, что он готов сорваться. Но парень не ответил агрессией, наоборот, лишь чуть опустил взгляд, показывая, что не собирается вступать в бессмысленную перепалку.

Глория резко поднялась. Ей стало тяжело выносить это противостояние, два человека, которых она не могла потерять, тянули ее в разные стороны.

- Довольно! - голос ее дрогнул, но был громким. - вы оба правы, и вы оба невыносимы. Томас, твоя жесткость ранит нас не меньше, чем враги. Винченцо, твоя мягкость - это тоже риск. А я устала выбирать между вами.

Томас отвел взгляд, стиснув зубы. Винченцо медленно выдохнул, словно его и без того вымотала эта ссора.

А Глория вдруг поняла, чем дальше, тем сложнее ей будет удерживать между ними баланс.

В помещении стояла густая тишина. Воздух казался тяжелым, словно каждая частица пыли впитывала в себя сказанные Марком слова. Люди, которые еще вчера смотрели на него

как на опору, теперь переглядывались между собой. В их взглядах были сомнение, тревога и даже скрытый страх.

Лэнг шагнул вперед и поставил фонарь на ящик. Свет упал прямо на лицо Марка, и вся комната замерла.

- Я знал тебя много лет, - сказал он ровным, но жестким голосом. - ты всегда вел нас вперед. Но сейчас ты говоришь так, будто сам стал одним из них.

Марк поднял голову. Его глаза горели странным светом.

- Я стал тем, кто видит. Мы слишком долго жили в страхе. Вирус - это не конец, он часть будущего. Мы можем сопротивляться и умирать по одному или принять силу и стать больше, чем люди.

Кто-то из группы нервно выругался. Женщина у стены обняла ребенка и прижала его к себе, словно боялась, что слова Марка могут заразить сильнее любой болезни.

Джоан выступила вперед.

- Посмотри на них. Ты видишь, как они смотрят на тебя? Ты больше не тот, кого они знали. Ты пугаешь их.

Марк подошел ближе, его голос стал мягче, но в этой мягкости чувствовалась угроза.

- Я хочу, чтобы они поняли. Зараженные не лишены души. Они другие, но они не пустые оболочки. Я видел это. В каждом из них горит искра.

- Искра, - повторил Лэнг с насмешкой. - я вижу только гниль и смерть. Я хоронил друзей, которых они разорвали на части. Ты скажешь мне, что в их глазах тоже был свет?

- Да, - ответил Марк без колебаний.

Гул голосов поднялся по углам склада. Одни шептали о безумии, другие пытались понять, неужели в словах Марка есть правда. Сомнение стало вирусом, заражающим не тела, а умы.

Тогда Джоан шагнула прямо к нему. Ее лицо было бледным, но взгляд твердым.

- Если ты поведешь нас этим путем, мы погибнем. Ты предашь тех, кто доверял тебе.

Марк посмотрел на нее, и на миг в его глазах мелькнула боль. Но он ответил с той же уверенностью, с какой раньше вел их в бой:

- Нет, Джо. Я поведу вас туда, где мы перестанем быть жертвами.

С этими словами он отвернулся и сел у стены. Комната разделилась. Одни сели рядом с ним, другие отошли дальше, будто между ними пролегла черта.

Марк впервые понял, что его голос больше не обладает прежней силой. Теперь каждое его слово могло разделить их еще сильнее.

Заброшенная школа встретила их тишиной. Сырой воздух пах плесенью и ржавчиной, но стены здесь были чище, чем в других местах. Томас провел ладонью по обугленной штукатурке, и серый налет, похожий на грибковую сеть, исчез, будто растворился под его пальцами. Глория заметила это и невольно вздрогнула. Он снова сделал то, что другие считали невозможным.

Вечером они сидели у стены. Томас прислонился к окну, напряженно глядя в темноту. Винченцо возился с рюкзаком, раскладывая остатки еды. Глория обняла колени и слушала, как их голоса разрывают тишину.

- У нас еды на неделю, не больше, - сказал Томас. Его голос был низким и твердым. - нужно идти к тем, кто засел у супермаркета, и забрать их запасы. Иначе мы умрем с голоду.

Винченцо покачал головой.

- Это такие же люди, как мы. Они сражаются за жизнь. Если мы нападём, мы станем ничем не лучше тех, кого ненавидим.

Томас поднял руку и сжал пальцы. В углу комнаты завял грибок, расплзавшийся по стене, и упал серым прахом на пол.

- Я не стану ждать, пока нас убьет голод. Этот мир сам по себе болезнь. Чтобы жить, нужно убирать слабое и брать свое.

Глория закрыла глаза. Она знала: ни один из них не отступит.

Ночью они отправились в город. Нужно было найти воду. Улицы тянулись пустыми коридорами, окна домов смотрели на них черными провалами. У супермаркета действительно пряталась группа. Их заметили слишком поздно.

Крик прорезал тишину, и завязалась драка. Томас двинулся вперед, словно его толкала невидимая сила. Он ударял быстро, без раздумий. Там, где его ладонь касалась кожи, враги падали, словно теряли силу. Винченцо пытался остановить его.

- Томас, отойди. Не нужно крови.

Но Томас не слышал. В его глазах отражалась какая-то холодная решимость. Один из бродяг набросился на них, и Глория едва успела вырвать нож у противника. Сердце билось так сильно, что казалось, оно вырвется из груди.

Когда все закончилось, Томас стоял над поверженным врагом и дышал тяжело, словно только что вышел из огня. На его ладони все еще тлел след будто остаток силы, высосавшей жизнь из того, кого он коснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.